

А. И. ПОПОВ (Ленинград)

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ПРИБАЛТИЙСКИМИ ФИННАМИ И СЛАВЯНАМИ

Древнейшие отношения между прибалтийско-финскими и славянскими языками в области лексики должны по времени соответствовать примерно началу нашей эры (или, быть может, даже несколько ранее); об этом свидетельствует известное сообщение Тацита о венетах, рыщущих повсюду между певкинами и феннами.¹ Мысль о подобном раннем соприкосновении прибалтийских финнов и славян в последнее время настоятельно выдвигает П. Аристэ², использующий и выводы археологов (Х. Моора, А. Я. Брюсов и др.); с его точкой зрения следует полностью согласиться. Однако результаты этих контактов изучены далеко не достаточно — и это является источником сомнений в отношении древности лексического обмена между славянами и прибалтийскими финнами. Наиболее сжато и ярко сущность подобных сомнений суммировал в своей книге Ф. П. Филин.³

В рецензии на его работу мы отмечали, что «вопросы этого рода в настоящее время не могут считаться окончательно решенными»⁴, причина этого — в недостаточной разработке необходимого фактического материала, сюда относящегося и гораздо более обширного, чем принято считать. Заметим, что в одной недавней статье Ф. П. Филин писал, что «первые славянские заимствования в прибалтийско-финские языки восходят ко времени не ранее VII—VIII вв.»⁵

Думается, что подобные (как и обратные) заимствования могли и должны были возникать и много ранее VII века, хотя, разумеется, точная датировка явлений здесь оказывается весьма сложной. Кроме того, как всегда при многовековых взаимных контактах, в ряде случаев

¹ К. Тацит, Сочинения I, Ленинград 1969, стр. 372—373. Даже если считать финнов Тацита саамами, контакты венетов-славян и прибалтийских финнов в то время следует признать неизбежными.

² См. предисловие П. Аристэ к работе: Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I, Москва 1953; его же примечания № 13—17 ко второму тому этой работы (Москва 1955), стр. 280—281; а также П. Аристэ, К вопросу о развитии ливского языка. — Труды Института языкознания IV, Москва 1954.

³ Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, Москва—Ленинград 1962, стр. 131—132.

⁴ А. И. Попов, рец. на: Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, Москва—Ленинград 1962. — Дослідження з української та російської мов, Київ 1964, стр. 244—251.

⁵ Ф. П. Филин, Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза. — ВЯ 1967, № 3, стр. 34.

нельзя даже говорить о заимствованиях в собственном смысле слова; правильнее назвать соответствующие явления в лексике соприкасающихся языков взаимным изменением собственного лексического материала под влиянием другой стороны.

Точнее это можно разъяснить лишь на конкретных примерах. При этом следует иметь в виду те категории лексических сходжений прибалтийско-финских и славянских языков, которые можно считать древнейшими — в силу ряда исторических соображений.

Сюда относятся в первую очередь элементы лексики, связанные с терминологией средств и способов передвижения по огромным пространствам Восточной Европы, преимущественно с помощью водных путей. Здесь мы можем искать наиболее старые следы взаимного влияния двух языковых сред — славянской и финно-угорской (особенно прибалтийско-финской).

1. Древнерус. *исады* 'пристань, место высадки; прибрежное поселение (преимущественно торговое)' — эст. *sadam* 'гавань, пристань', фин. *satama*, лив. *sadam* и т. п.⁶

Тогда как древнерус. *исадъ*, *исады* обычно объясняют из *из-сады*, прибалтийско-финские данные связывают с финским безличным глаголом *sataa*, эст. *sadama* 'падать, идти (о дожде, снеге)', причем *-ta* в фин. *satama* можно рассматривать и как именной суффикс существительных, обозначающих место, и как суффикс имен действия.⁷

Что касается слова *исады*, то оно широко отражено в современных русских диалектах и в топонимике, так как пристаней *-исад* было множество начиная с древнейших времен на Чудском и Псковском озерах, на Нарове, на Ладожском озере, на Волхове, а также на Волге (летописные и другие источники часто упоминают об исадах с начала XII в.).

Можно считать, что древнерус. *исадъ*, *исады* 'пристань' образовалось на славянской почве из собственных лексических данных, но в то же время в тесной связи с прибалтийско-финскими словами *sadam*, *satama* и т. п. — с тем же значением и близким звучанием основы.

То же можно сказать и о соответствующей прибалтийско-финской лексике, так как и здесь, по-видимому, был использован материал своего словарного запаса; однако следует помнить, что эст. *sadama*, фин. *sataa* не имеют достоверных отражений в других финно-угорских языках, кроме прибалтийских.

Наконец, здесь следует привлечь и саамские данные; имеются в виду кольско-саамские слова *sātka* и т. п.⁸, имеющие то же значение, что и рус. *исады*, фин. *satama*, эст. *sadam*, т. е. 'пристань, гавань; прибрежное селение' (последнее — саамское).

Все это, конечно, не случайные совпадения, а результаты длительных и древних связей, начало которых может восходить ко времени даже старше массового появления венеков-славян в тех областях, где обитали прибалтийские финны. Достаточно вспомнить о таком явлении глубочайшей древности как торговля (разумеется, первоначально меновая) балтийским янтарем в мировых по тому времени масштабах, чтобы понять неизбежность широкого межплеменного общения в этих местах даже гораздо ранее начала нашей эры. Сюда должны были примкнуть и славяне-венеды Тацита (I в. н. э.).

⁶ Подробнее см.: SKES IV, стр. 980; древнерусские данные: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка I, Санктпетербург 1893, столб. 1111: *исадъ*, *исады*; см. также: А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, вып. 4, Москва 1911, стр. 274; М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка II, Москва 1967, стр. 139.

⁷ Л. Хакулинен, указ. раб. I, стр. 112, 174.

⁸ T. I. Itkonen, Kohtan- ja kuolanlapiin sanakirja I, Helsinki 1958, стр. 477.

2. Древнерус. *волокъ* 'сухой путь между двумя реками, где приходилось волочить ладьи' — фин. *valkama* 'гавань, пристань', эст. *valgma* 'пристань (для лодок); причал', лив. *vālgam* то же и т. п. Семантическая связь с предыдущим примером очевидна, так как фин. *valkama* имеет по существу то же значение, что и *satama*.

Древнерус. *волокъ* связано с *волоку*, но в указанном выше смысле представляет собой исключительно восточнославянское явление, так как болг. *влак*, чеш. *vlak* и прочие соответствующие славянские данные этого рода (польские, словацкие, лужицкие и др.) имеют совершенно иную семантику ('невод, бредень' и т. п.).

Смысловая внутренняя связь между древнерус. *волокъ* и прибалт.-фин. *valkama*, *valgma* и т. п. вполне понятна, так как волок пролегал между двумя местами отправления и прибытия судов, а многочисленные географические названия *Волок* относятся именно к этим местам высадки и посадки.

Чтобы уяснить внутреннюю этимологию прибалтийско-финских данных, необходимо обратиться к мордовским и марийским материалам: мокш. *валгомс* 'спуститься, слезать, высадиться', *валгома* 'спуск, высадка'; эрз. *валгомс* 'слезать, спуститься, сойти вниз', *валгома* 'высадка, спуск'; мар. *волаш* 'сходить, спускаться', марГ *валаш* то же.⁹

Таким образом, эти данные принадлежат, конечно, к старому лексическому запасу по крайней мере значительной части финно-угорских языков, не представляя собой прямых заимствований из славянских материалов.

С другой стороны, древнерус. *волокъ* тоже не заимствовано из прибалтийско-финских языков, составляя частицу общеславянского наследия; только семантика его сдвинулась, изменилась по сравнению с другими славянскими языками и, по-видимому, не без влияния прибалтийско-финских данных.

Конечно, нельзя непосредственно датировать эти взаимные влияния, но, как кажется, определенно можно думать о том, что речь должна идти о времени до возникновения восточнославянского полногласия. Заметим, что *-ta* в *valkama* есть тот же суффикс, что и в *satama*, а *valkama* можем сопоставить с древнерус. *волокъ* не в плане единого происхождения, а в смысле учета взаимного влияния широкого и длительного общения прибалтийских финнов и славян — при торговых связях преимущественно.

Точно также *sata-*, *sada-* в *satama*, *sadam* можно, как указывалось выше, сопоставить с *и-сады* в смысле того же взаимного влияния, ведущего к сближению в семантическом отношении.¹⁰ Эти тонкие и, на первый взгляд, малозаметные явления подлежат такому же учету, как прямые заимствования и включения лексики одного языка в другой.

3. Что касается прямых заимствований из славянского лексического запаса в прибалтийско-финские языки, то следует обратить внимание именно на торговый пласт соответствующей лексики, начиная со слова *търгъ*, отраженного в эст. *turg* и в финском названии города *Turku*. Сюда же относятся фин. *kuontalo*, эст. *koonal* 'кудель' (вод. *kōntala* и

⁹ Можно добавить саамские данные, см. Т. I. Itkonen, указ. раб., стр. 783—784; ср. также саамШ *välgeet* 'отправляться в путь, уходить' и др.

¹⁰ В связи с этими сближениями напомним факты топонимики. Типичны в этом отношении *Исады* на левом берегу Волхова в его низовье — при названии реки *Валгама*, впадающей в Волхов там же (справа); а также многочисленные древнерусские названия *Волок* в тех местах, где производилась высадка и выгрузка товаров (или, наоборот, посадка и погрузка), т. е. в тех пунктах, которые обозначаются финскими и карельскими словами *valkama*, *valgama*.

другие материалы этого рода)¹¹, фин. *palttina* 'полотно'¹² и ряд других лексических элементов, уже неоднократно рассматривавшихся в этом плане.

4. Основательный пласт древних общностей прибалтийско-финских и восточнославянских языков составляют производственные и социальные термины. Отметим здесь эст. *palu* 'степь, дубрава, пустошь', *palama* диал., *põlema* 'гореть, пылать'; фин. *palaa* 'гореть', *palo* 'пожар' и т. п. наряду с рус. *палить, пылать* (ср. двойственность вокализма и в эстонском), *пал, пыл* и т. п.¹³; эти параллелизмы вызваны общностью древних приемов обработки земли у славянских и прибалтийско-финских племен Восточной Европы (подсечная система, требующая применения «палов»).

5. К достаточно древним следам отношений между восточнославянскими и прибалтийско-финскими племенами принадлежат, несомненно, также древнерус. *толока* (с богатыми славянскими соответствиями) — фин. *talkoo* и ряд других данных (эст. *talgu* и т. п.); соответствующие балтийские слова (литов. *talkà* 'общая помощь (помощь)', латыш. *talka* то же) можно считать скорее всего полученными из того же славянского источника, так как именно в нем имеются основания для этимологизации.¹⁴ Вообще, существует ряд лексических данных, представляющих общие элементы в славянских, балтийских и прибалтийско-финских языках, причем нередко без достаточных оснований предпочтение отдается балтийской этимологии — вследствие гипнотизирующего влияния работы знаменитого датского лингвиста В. Томсена¹⁵, в настоящее время требующей больших поправок.

6. В отношении фин. *seura* и связанных с ним иных прибалтийско-финских, балтийских и славянских лексических данных необходимо сказать, что и здесь дело вряд ли можно свести к прямому заимствованию из балтийских материалов в прибалтийско-финские; вопрос об основном истоке этого рода данных сильно осложняется наличием таких элементов, как рум. (диал.) *simbră* 'товарищество для обработки земли', швед. *sambruk*¹⁶ 'der gemeinschaftliche Betrieb' и тому подобных образцов; все это заставляет признать относящиеся сюда данные весьма древней принадлежности многих языков Восточной Европы. Эта лексика характеризует древнейшие формы объединения разноплеменного населения для совместной обработки земли, для рыболовства и т. п. По-видимому, начало словарных связей этого рода надо датировать первой половиной I тысячелетия н. э.

7. Весьма показательны в отношении древности рассматриваемых явлений фин. *ravita* 'питать, кормить', *ravinto* 'пища, пропитание' и

¹¹ SKES II, стр. 240; А. А. Шахматов, К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. — Известия Императорской Академии Наук 1911, № 10, стр. 810.

¹² SKES II, стр. 479; А. А. Шахматов, указ. раб., стр. 810.

¹³ См. SKES II, стр. 471; А. Преображенский, указ. раб., вып. 10, Москва 1914, стр. 9, 66—67; вып. 11, Москва 1915, стр. 159.

¹⁴ Ср. И. И. Срезневский, указ. раб. III, Санктпетербург 1903, столб. 974—975: *толока, толочи (толоку), толочити (толочу), толочьнь*; столб. 1045: *тълковинь*: (древнерус. *толковинъ* 'союзник, помощник в общем деле'). Заметим, что М. Фасмер (M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch I—III, Heidelberg 1950—1958, *толока*) считает славянские и балтийские данные исконно родственными, что не меняет сущности дела.

¹⁵ V. Thomsen, Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog, Kjøbenhavn 1890.

¹⁶ Швед. *sambruk* построено из префикса *sam-* + основа *bruk*, т. е. имеет явно германское происхождение, быть может, только в плане народной этимологии. О несомненном славянстве исходных материалов этого рода см. М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка III, Москва 1971, стр. 824.

прочие данные, сюда относящиеся; источником служат, без всякого сомнения, славянские данные, отраженные в древнерус. и рус. диал. *страда* 'продовольствие, довольствие; пища', польск. *strawa* 'пища' и т. д.¹⁷

Древность материалов подобного рода засвидетельствована Иорданом в VI в. н. э.¹⁸, так как его сообщение о пиршестве (*strava*) на могиле Атилы (середина V в.) свидетельствует о распространении этого славянского термина в Паннонии того времени, причем совершенно несомненно, что мы имеем здесь дело именно со славянизмом, так как славяне были старыми союзниками гуннов еще с IV столетия, о чем говорит тот же Иордан, называвший этих славян антами.¹⁹

8. Не менее замечательно наличие такой словарной общности прибалтийско-финских и славянских языков как старослав. и древнерус. *обиль* 'обильный' (< **об-вилъ*), древнерус. *обилие* 'изобилие, обилие; богатство; хлеб, продовольствие; хлеб на корню' (многo соответствующих данных в ряде славянских языков); старослав. *извилие*, *извилье* 'изобилие' и др. — при финском *vilja* 'хлеб, зерно; жито', *viljava* 'плодородный, урожайный', *viljalti* 'обильно, в изобилии', эст. *vili* (род. п. *vilja*) 'плод, фрукт; хлеб, зерно', *vilja-* 'хлебный, урожайный' (в сложных словах) и т. д.²⁰

Подобного рода общности могли создаваться лишь в очень раннее время, которое можно отнести примерно к началу н. э., что вполне согласуется с указанными выше соображениями П. Аристэ, подтверждаемыми и археологическими материалами.

В заключение подчеркнем еще раз, что восточнославянские и прибалтийско-финские племена имеют гораздо более длительную историю взаимных соприкосновений и влияний, чем это обычно изображается на основе привлечения очень неполных и частью неточно толкуемых материалов. Подобное положение можно исправить только при условии тщательного согласования многих языковых, исторических, археологических и топонимических данных. В частности, лексический материал, сюда относящийся, имеет гораздо больший объем, чем это обычно считается.

¹⁷ См. SKES III, стр. 753—754; И. И. Срезневский, указ. раб. III, стр. 530.

¹⁸ Иордан, О происхождении и деяниях гетов, Москва 1960, стр. 117, 172, 327—328. Следует заметить, что смысл слова *strava* у Иордана совершенно ясен: это пиршество.

¹⁹ Имя антов, по всей вероятности, произведено от общетюркского *ант* 'клятва, присяга'; см. А. И. Попов, О термине анты. — Филологические науки, № 2 (56), Москва 1970.

²⁰ А. Преображенский, указ. раб., вып. 9, Москва 1914, стр. 627—628; И. И. Срезневский, указ. раб. I, столб. 1038; II, Санктпетербург 1895, столб. 506—508. Из славянских данных происходит также алб. *vjelje* 'сбор урожая', *vjel* 'собирает урожай (о винограде и т. п.)', что говорит о широком влиянии славянства на не земледельческие народы Европы.

Einige niederdeutsche Wörter und Ausdrücke, die im slawischen Gebrauch waren, wie z. B. Haska 'Axt', Abort', das Wort in de Buche gemacht das Kind hat sich selbst gemacht. Niederdeutsche Namen tragen bis jetzt in Tallin einige Ortschaften und Gebäude, wie z. B. der berühmte Turm Kiek in de Kök, obwohl schon die im Jahre 1939 nach Deutschland ausgewanderte deutsche Bevölkerung Estlands nur eine Spielart des Hochdeutschen sprach.'

P. Aristé. Ein Beitrag zur Frage des Asterbes der niederdeutschen Sprache in Tallinn. — Baltica Vapetus. Veidjams akademiska professorar Dr. Jänis Endzelinas vica 25 dāvums un 55 darbe gods atceri, Riga 1928, S. 41 ff.

А. И. ПОПОВ (Leningrad)

ÜBER DIE ÄLTESTEN LEXIKALISCHEN BEZIEHUNGEN ZWISCHEN DEN OSTSEEFINNISCHEN UND SLAWISCHEN SPRACHEN

Der Verfasser ist der Ansicht, daß es zu den ersten Sprachkontakten zwischen Slawen und Ostseefinnen in den ersten Jahrhunderten unserer Zeitrechnung oder vielleicht sogar etwas früher gekommen sei.

Die Spuren dieser Kontakte widerspiegeln sich teils in der unmittelbaren Übernahme lexikalischer Elemente sehr alter Herkunft, teils äußert sich der wechselseitige Einfluß der Sprachen in der Anpassung des eigenen Wortschatzes jeder Sprache zur Bezeichnung ähnlicher Begriffe (als Beispiele werden angeführt: altruss. *исады* — estn. *sadam*, finn. *satama*; altruss. *волокъ* — estn. *valgma*, finn. *valkama*).

Im allgemeinen bedarf jedoch die Geschichte des Beginns der sprachlichen Wechselbeziehungen zwischen Ostseefinnen und Slawen einer neuen, eingehenderen Erforschung, da es auf diesem Gebiet noch eine ganze Reihe veralteter und fehlerhafter Ansichten — spezieller und allgemeiner Art — gibt.